

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

УДК 930.25:94(470)"1941/1945"

DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-160-178

«Чтобы помнили...»: деятельность государственных архивов по сохранению народной памяти о Великой Отечественной войне

Людмила Н. Мазур

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, LN.Mazur@urfu.ru*

Аннотация. Статья посвящена деятельности государственных архивов СССР по сохранению народной памяти о Великой Отечественной войне через сбор воспоминаний участников войны и тружеников тыла. Автор исследует эволюцию архивов от хранилищ управленческой документации к институтам памяти, занимающимся инициативным документированием. Особое внимание уделяется опыту госархивов Свердловской области по формированию коллекций воспоминаний ветеранов войны и тыла.

Работа основана на анализе документов фонда 1274 Государственного архива социально-политической истории Свердловской области (ГАСПИСО), содержащего 253 единицы хранения, включая 121 рукопись воспоминаний. Документы относятся к 1995–2006 гг. и представляют собой отложенные воспоминания представителей поколения 1920–1928 гг. рождения. Предложена типология воспоминаний («мемуары», «сообщения», «жалобы») в зависимости от мотивации их создателей. Раскрываются особенности отложенных воспоминаний, их двойственная природа: они содержат эмоционально правдивый образ военной повседневности, но одновременно подвержены влиянию медиасреды.

Отдельный раздел посвящен студенческим воспоминаниям о повседневной жизни учащейся молодежи военных лет, в том числе проблемам питания, жилья, учебе и трудовой деятельности студентов в условиях войны. Исследование демонстрирует ценность воспоминаний как свидетельств трудового подвига тыла, подчеркивая необходимость их критического анализа.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, народная память, воспоминания, архивы, документы личного происхождения, инициативное документирование, тыловая повседневность, отложенные воспоминания

Статья поступила в редакцию 17 октября 2025 г.;

принята к публикации 9 февраля 2026 г.

Для цитирования: Мазур Л.Н. «Чтобы помнили...»: деятельность государственных архивов по сохранению народной памяти о Великой Отечественной войне // История и архивы. 2026. Т. 8. № 2. С. 160–178. DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-160-178

“So that they remember...”:
the activities of state archives
in preserving the people’s memory
of the Great Patriotic War

Ludmila N. Mazur

Ural Federal University

*named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia, LN.Mazur@urfu.ru*

Abstract. The article examines the efforts of the USSR state archives to preserve public memory of the Great Patriotic War by collecting the memoirs of war veterans and home front workers. The author explores the evolution of archives from the repositories of administrative documentation to the institutions of memory engaged in proactive documentation. Particular attention is paid to the experience of the Sverdlovsk Region State Archives in compiling the collections of war veterans’ memoirs.

This work is based on the analysis of Collection 1274 of the State Archive of Social and Political History of the Sverdlovsk Region (GASPI SO), which contains 253 storage units, including 121 manuscripts of memoirs. The documents date from 1995-2006 and represent the deferred memories of the authors born between 1920 and 1928. The article proposes a typology of the memoirs (“memoirs”, “messages”, and “complaints”) based on their originators’ motivations. The author explores the unique characteristics of deferred memories, demonstrating their dual nature: they contain an emotionally authentic portrayal of everyday life in the war, but, at the same time, they are influenced by the media environment.

A separate section is devoted to students’ reminiscences of the daily life of young students during the war, including the issues of nutrition, housing, education, and work throughout the wartime. The research demonstrates

the value of popular memory as a source for studying the labor exploits on the home front, emphasizing the need for critical analysis when working with deferred memories.

Keywords: Great Patriotic War, popular memory, memoirs, archives, personal documents, proactive documentation, everyday life in the rear, deferred memories

The article was submitted for publication 17.10.2025;

accepted for publication 09.02.2026.

For citation: Mazur, L.N (2026), “ ‘So that they remember...’: the activities of state archives in preserving the people’s memory of the Great Patriotic War”, *History and Archives*, vol. 8, no. 2, pp. 160–178, DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-160-178

Введение

80 лет со дня Победы в Великой Отечественной войне заставляют вновь задуматься о ее цене – миллионах отдавших жизни людей и необходимости сохранения памяти о них. Не все солдаты вернулись с фронта, но дома оставались их родные, преимущественно женщины – матери, жены, сестры. Семейные воспоминания о фронте или работе в тылу, о близких, вернувшихся или погибших, дополняют образный ряд войны, придавая ему новые смыслы. Благодаря этим воспоминаниям героический нарратив войны приобретает черты бытописания, отражая военную повседневность.

Воспоминания как вид меморативных практик

Воспоминания представляют собой особый вид меморативных практик, основанный на мобилизации в памяти образов прошлого и консолидации следа памяти в форме текста. Воспоминания позволяют сохранить и передать читателю *знание + эмоцию + оценочное суждение* об исторических событиях.

Личностное (эмпирическое) знание, транслируемое очевидцем событий, вызывает особое доверие у читателя, чувство прикосновения к прошлому, создает эффект соучастия. Между тем знание подвержено влиянию определенных факторов – не только идеологии. С течением времени образы прошлого тускнеют и становятся более стандартизированными, испытывая влияние медиасреды [Алёшина и др. 2021]. Могут меняться и оценочные суждения. Неизменной остается эмоция, она составляет основу образа прошлого, служит

верным ориентиром, позволяющим пронести через года человеческую правду о войне.

Меморативные практики сохранения памяти о войне в форме воспоминаний начинают оформляться уже в ходе боевых действий. В январе 1942 г. при АН СССР была создана Комиссия по истории Великой Отечественной войны, аналогичные комиссии – при ЦК ВЛКСМ, наркоматах, в армии и на флоте, в областях, краях и республиках. Основным направлением их работы был сбор документов личного происхождения, включая записи бесед, устных свидетельств участников сражений, партизанского движения, рассказов о трудовых *буднях* тыла¹. После войны комиссии были упразднены, а собранные материалы переданы на хранение в архивы. В ГАСПИСО документы Уральской комиссии Академии наук СССР по истории Великой Отечественной войны представлены в фонде 520 [Уральский филиал 2024].

После окончания войны в соответствии с традициями военной мемуаристики свои «полувоспоминания» (тексты, опиравшиеся не только на память автора, но и на архивные документы, статистику, научную литературу) сначала публиковали полководцы, затем наступил черед мемуаров политиков, Героев Советского Союза и деятелей культуры². В них излагаются и оцениваются события войны, восстанавливается история в классическом понимании. Одновременно исследователи отмечают тенденцию к унификации мемуарного нарратива советского периода и «нейтрализации» субъективного взгляда авторов на события войны в соответствии с официальной историографией [Тартаковский 1999, с. 37].

Наряду с мемуарами главных действующих лиц особую ценность в 1970–1980-е гг. приобретают образы прошлого, хранимые рядовыми участниками событий. Их воспоминания повествуют не столько о событиях, сколько о людях, повседневной жизни, надеждах, страхах – той стороне военной реальности, которая обычно остается в тени официальной истории войны³.

¹ Признание подвига тыла относится к более позднему времени – 1970-м гг.

² См., например: Буг в огне. Мн.: Беларусь, 1965. 528 с.; Корсунь-Шевченковская битва <Сб. / редкол.: М.В. Захаров и др. 2-е изд., доп.>. Киев: Политиздат Украины, 1975. 303 с.; Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: В 2 т. Т. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 415 с.; Покрышкин А.И. На истребителе: Из записок летчика / <Лит. обработка Н.Н. Денисова. Новосибирск>: Новосибиргиз, 1948. 144 с.; Людников И.И. Огненный остров. Волгоград: Нижне-Волжское кн. изд-во, 1971. 176 с.; и др.

³ Резкий рост числа публикаций мемуаров приходится на период 1958–1982 гг., что получило отражение в создании библиографических

«Народная» память становится объектом документирования не сразу, поскольку для записи своих воспоминаний авторам нужна особая мотивация – осознание своей значимости как *свидетеля* или *участника* событий. Различие состоит в фокусе восприятия прошлого:

- «свидетель» рассказывает о других – тех, кто больше заслуживает коммеморации: «Лично о себе я не стала бы писать, но девчата, которые работали в нашей бригаде, вполне заслуживают этого внимания. О них и расскажу» (М. Урусова)⁴;
- «участник» повествует о себе – своих чувствах, настроениях, опыте и своем восприятии событий прошлого («Мой труд был важен для победы над врагом. Вот и вся моя военная история» (А. Лебедева)⁵).

В 1970-е гг. получило развитие поисковое движение, в ходе которого народная память становится основным объектом документирования. В 1981–1985 гг. прошла Всесоюзная экспедиция «Летопись Великой Отечественной», направленная на сбор фронтовых документов и воспоминаний. В результате этих мероприятий формировались коллекции документов личного происхождения периода Великой Отечественной войны.

Архивы – собиратели воспоминаний

Свой вклад в создание корпуса «народных» воспоминаний о войне внесли архивы. Во второй половине XX в. архивы из хранилищ документов постепенно трансформируются в институты памяти, выполняя не только функции комплектования и хранения преимущественно управленческой документации, они переходят к практикам сбора документов личного происхождения и инициативному документированию. После окончания войны работа с источниками личного происхождения разворачивалась в архивах по двум направлениям: 1) формирование личных фондов ветеранов войны и тыла; 2) создание коллекций.

указателей [Горшкова 2023]. См., например: Кузница Победы: Подвиг тыла в годы Великой Отечественной войны: Очерки и воспоминания. 2-е изд. М.: Политиздат, 1980. 423 с.; О войне, о товарищах, о себе <Фронтовые заметки, воспоминания, письма / предисл. И. Падерина>. М.: Политиздат, 1969. 479 с.; Добровольцы Урала: Очерки. Воспоминания. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1980. 240 с.; и др.

⁴ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 50. Л. 12–14.

⁵ Мы приближали победу: Очерки, воспоминания, письма. Екатеринбург: АРД–ЛТД, 2000. С. 419.

Комплектование личных фондов участников войны приходится на 1960–1970-е гг. Были выделены три группы лиц, документы которых подлежали хранению: выдающиеся представители народа; их последователи; активные участники движения [Колосова, Цаплин 1965, с. 20]. Дискуссию вызвала группа лиц, обозначаемых как «рядовые граждане», поскольку они воспринимались «пассивными» участниками событий или «попутчиками»⁶. Только в конце 1980-х гг. идея собирания документов личного происхождения «рядовых» граждан получила официальное признание. Большой вклад в решение этого вопроса внес Б.С. Илизаров, возглавивший Центр документации «Народный архив»⁷.

Формирование архивных коллекций воспоминаний тружеников тыла и ветеранов боевых действий относится к 1980-м гг. 18 апреля 1985 г. состоялось заседание Межведомственного научно-методического Совета по работе с документами личного происхождения, на котором призвали представителей архивных учреждений, музеев, библиотек, вузов и школ, научных и общественных организаций активизировать работу по выявлению и собиранию документов участников войны и тружеников тыла [Хорхордина 2024]. Вопросы взаимодействия различных институций в деле собирания документов личного происхождения периода Великой Отечественной войны, были предметом рассмотрения на заседании Коллегии Главархива СССР 30 июля 1986 г. В 1985–1986 гг. по инициативе Центрального государственного архива народного хозяйства (ЦГАНХ) архивами страны была проведена операция «Поиск» по выявлению и передаче на хранение документов личного происхождения архивистов – участников войны. В 1990 г. ВНИИДАД совместно с Центральным государственным маркшвом Советской армии (ЦГАСА) подготовил и опубликовал Методические рекомендации по вопросу комплектования источников личного происхождения⁸.

Региональные архивы активно включились в работу по отбору документов ветеранов войны и тыла на постоянное хранение. В 1984 г. в ходе подготовки к 40-летию Победы Архивный отдел Свердловского облисполкома выступил с призывом к жителям

⁶ Материалы Всесоюзного совещания-семинара по комплектованию государственных архивов документами личного происхождения, экспертизе их ценности и фондированию. М.: ГАУ СССР, 1965. С. 207–208.

⁷ Центр документации «Народный архив»: справочник по фондам / ред. Б.С. Илизаров. М.: Народный архив, 1998.

⁸ Комплектование государственных архивов документами личного происхождения участников Великой Отечественной войны: Методические рекомендации. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1990.

области нести свои воспоминания о войне в архив. Наиболее активно работа велась с 1990 по 1997 гг. Сформированная коллекция документов состоит из рукописей, писем, фотографий участников боевых действий. В 1998 г. коллекция пополнилась документами, собранными Г.П. Шантиным – работником станции Свердловск-Пассажирский. Всего коллекция ГАСО включает 231 дело – документы ветеранов (23 человека), интервью с жителями Свердловска (79 записей) и воспоминания (41 рукопись)⁹.

Работу по сбору документов провели филиалы ГАСО. В Красноуфимске архив приступил к работе с участниками Великой Отечественной войны в 1989 г. Всего в составе коллекции хранятся документы 18 ветеранов. Коллекция ГА в г. Ирбите была образована в 1994 г. и включает 111 ед. хр.¹⁰ В составе фондов Госархива административных органов Свердловской области (ГААОСО) сохранились документы мирных граждан, депортированных в Германию; членов Ассоциации «Харбин»; бывших советских военнопленных; поискового отряда «Память» г. Сухого Лога – всего 444 дела¹¹. В 2022 г. архив опубликовал сборник документов «Эх!!! А жить хочется!!!»¹², включив в него фронтовые дневники и письма, воспоминания детей участников войны.

Другая стратегия была реализована ГАСПИСО – он стал инициатором и организатором сбора воспоминаний. В своих мемуарах А.А. Капустин так оценивает новые практики:

В работе Центра документации большое место в 90-е годы стало занимать инициативное документирование и инициативное комплектование. Сначала с бытовой кинокамерой, затем с профессиональной, сотрудники Центра посещали всевозможные митинги, конференции и съезды, массовые мероприятия, проводимые партийными и общественными организациями. Мы сумели записать на видео и сфотографировать мероприятия, связанные с ГКЧП, поддержкой Б.Н. Ельцина, митинги и шествия различных политических сил. Так мы документировали события, вошедшие в историю страны.

Мы также обратились к ветеранам партийно-государственных органов власти с просьбой передать нам свои личные архивы, фото-

⁹ Межархивный путеводитель по фондам и коллекциям личного происхождения государственных архивов Свердловской области. Екатеринбург, 2018. С. 480–487.

¹⁰ Там же. С. 493–501.

¹¹ Там же. С. 490–492.

¹² «Эх!!! А жить хочется!!!» (фронтовые дневники, воспоминания, письма): Сб. архивных документов / под ред. Р.С. Тараборина. Екатеринбург: ГААОСО, 2022. 207 с.

графии и воспоминания. Так, постепенно мы наладили инициативное комплектование, которое осуществляется и поныне¹³.

Начало сбора документов положило обращение Управления архивами Свердловской области к ветеранам фронта и тыла с просьбой присылать свои воспоминания. Оно было опубликовано 1 июня 1994 г. в газете «Уральский рабочий». Союз ветеранов разработал анкету с вопросами о военной службе, боевых эпизодах, наградах, сослуживцах.

В 1998 г. опубликовано еще одно обращение к ветеранским организациям с просьбой о помощи в сборе материалов для книги «Тыл в годы войны». За год в архив поступило более 700 писем с воспоминаниями, которые использованы для публикации нескольких тематических сборников¹⁴. Особый интерес представляет издание «Мы приближали победу», где использованы воспоминания 178 авторов, среди них 99 женщин (55%)¹⁵.

Всего в фонде 1274 ГАСПИСО хранится 253 ед., в том числе 121 рукопись воспоминаний¹⁶. Кроме воспоминаний, в фонде сохранились официальные документы, которые позволяют восстановить историю сбора, комплектования и использования воспоминаний.

Особенности отложенных/поздних воспоминаний ветеранов войны и тыла (ф. 1274 ГАСПИСО)

Воспоминания как исторический источник вызывают стабильный интерес исследователей. Несмотря на общепризнанную субъективность воспоминаний и зависимость от множества внутренних и внешних факторов, они сохраняют статус документированных

¹³ Канустин А.А. Об архивах и не только...: 30 лет на службе архивам. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2023. 328 с.

¹⁴ Ленинградская блокада (900 дней и 900 ночей), 1941–1944: В 3 кн. / сост. В.А. Гетманских, А.И. Глухина. Екатеринбург: Диамант, 1994–1996; Радисты Великой Отечественной о себе и своих товарищах: Воспоминания ветеранов войны. Екатеринбург, 2005; Клепикова И.А. «Главная в жизни роль...: Продолжение. Екатеринбург: Свердловское отделение Союза театральных деятелей РФ (ВТО): Изд-во АМБ, 2013. 192 с; Главная в жизни роль...: Сб. воспоминаний / сост. Н. Коляда. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. 336 с.

¹⁵ Мы приближали победу: Очерки, воспоминания, письма. Екатеринбург: АРД–ЛТД, 2000. 552 с.

¹⁶ Межархивный путеводитель по фондам... С. 488–490.

свидетельств прошлого¹⁷. Особое место занимает мемуаристика о событиях Великой Отечественной войны, которая отличается не только тематико-видовым разнообразием, но и своими масштабами [Горшкова 2023, с.57].

Интерес к воспоминаниям усиливается в 1990-е гг. в связи с развитием такого направления, как *memory studies*. Это-документы в целом и воспоминания, в частности, стали рассматриваться как меморативный продукт – результат производства не только индивидуальной памяти, но и совокупности социальных факторов и практик. В результате, по мнению исследователей, «воспоминание является для конкретного индивида не реконструкцией прошлого, а реконструкцией настоящего под воздействием прошлого» [Алёшина и др. 2021, с. 22]. Свой отпечаток на индивидуальные воспоминания о войне накладывает травма, она оставила глубокий след в сознании общества [Аникин 2017]. Травма способствует эмоционализации коллективной памяти [Шнирельман 2021, с. 20]. Этому, как ни странно, способствуют меморативные практики, нацеленные на сохранение памяти о войне с акцентом на героическом прошлом. Как отмечает О.В. Головашина, «мы не переживаем наши травмы, если заменяем дискурс трагедии нарративом победителя» [Головашина 2018].

Актуальным направлением исследований воспоминаний является изучение их связи с медиа в традиционном и современном понимании этого слова. В. Зоммер отмечает, что медиа и воспоминания необходимо рассматривать как элементы одного процесса: индивидуальные воспоминания трансформируются в общественные процессы сохранения памяти и наоборот [Sommer 2018]. При этом значение имеют не отдельные медиа, а их совокупность (сети). С этой точки зрения производство памяти о войне – это сложный коллективный процесс, определяющую роль в котором играют не столько рассказчики его фронтовой или тыловой опыт, сколько «социальные рамки памяти» (Николаи 2019).

Медиа не только распространяют, но и конструируют представления о прошлом при помощи меморативных практик. Медийная народная память опирается на семейные воспоминания, в которых представления о прошлом основаны на личных эмоциональных

¹⁷ Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева; Национальный исследовательский ун-т «Высшая школа экономики». М., 2015. 685 с.; Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие для вузов / И.Н. Данилевский <и др.>. М.: РГГУ, 1998. 703 с.; *Приймак Н.И., Валегина К.О.* Мемуары, дневники, письма как исторический источник: учеб. пособие. СПб.: Изд-во «ЛЕМА», 2018, 71 с.

переживаниях. Она демократична, поскольку фиксируется посредством обыденного языка, дополненного высокой лексикой, придающей торжественность текстам.

Рассмотрим на примере коллекции документов ГАСПИСО особенности поздних воспоминаний о войне. Они систематизированы по авторам – воспоминания ветеранов боевых действий, тружеников тыла и их детей. Авторы принадлежат к поколению 1920–1928 гг. рождения. Это, вероятно, было последнее поколение носителей живой памяти о войне, воспоминания которых опираются на личный опыт. Последующие поколения – дети войны и дети, родившиеся после войны, выступают либо свидетелями, либо трансляторами воспоминаний своих родителей, бабушек и дедушек. Когда контакт с носителями живой памяти о войне прерывается (через три поколения), семейная память приобретает черты преданий и мифологизируется.

Таким образом в 1990–2000-е гг. архиву удалось сохранить воспоминания участников событий 1941–1945 гг., которые только что закончили школу и стояли перед выбором будущего пути. Но выбора у них не было. Вместо учебы в институте они оказались на производстве, в трудармии или на сельскохозяйственных работах. Одним из повторяющихся образов прошлого в воспоминаниях было восприятие войны как события, перевернувшего жизнь и разрушившего мечты¹⁸.

Мне было 15 лет, когда началась война. Отец и брат ушли на фронт, а мне пришлось устраиваться на работу. Я оказалась старшей в нашей большой семье, и надо было помогать маме кормить младших братьев и сестер. Мои мечты окончить 10 классов и поступить в юридический институт не сбылись (Р. Зонова)¹⁹.

С учетом мотивации авторов воспоминаний их можно подразделить на три категории:

- «мемуары», написанные в целях увековечения памяти о героях и событиях Великой Отечественной войны, в которых автор выполняет функции свидетеля. Из воспоминаний В.Д. Радионовой:

И мне бывшей партизанке-разведчице прославленного соединения Бати (Коляды Н.З.) на Смоленщине хочется рассказать об участнике партизанского движения, одном из организаторов отрядов «народных мстителей» – Иване Романовиче Шлапакове²⁰.

¹⁸ Мы приближали победу... С. 148.

¹⁹ Там же. С. 190.

²⁰ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

Рукопись написана литературным языком, автор активно использует статистические данные о количестве уничтоженных вражеских эшелонов, техники и солдат, подчерпнутые из научной литературы и архивных документов;

- «сообщения» о военном прошлом (формализованные и неформализованные) – об условиях жизни, чувствах и отношениях, деятельности (производственной, бытовой, общественной), т. е. тексты воспроизводят прошлое с позиций «участника».

Формализованные сообщения содержат краткие ответы на вопросы анкеты. Как правило, это стандартной текст с повторяющейся или очень общей информацией:

Период войны был трудный и на фронте, и в тылу. Мы, подростки, это тоже понимали и работали на военных заводах по 12–20 часов в сутки наравне со взрослыми, делая все для фронта (Н. Прямикова)²¹.

Неформализованные сообщения – тексты очеркового типа с фактами и оценочными суждениями. Сюжет сообщения обычно построен вокруг описания определенного объекта – места работы/учебы автора (завод, школа/вуз, госпиталь, транспорт, колхоз), реже представляет собой жизнеописание (быт, учеба, фронтовые производственные/концертные бригады). Неформализованные сообщения отличаются сюжетностью, логической структурой, фактографичностью, литературным стилем – «жалобы» – тексты с описанием военных заслуг, цель которых обратить внимание на бедственное положение ветеранов в условиях кризиса 1990-х гг. (настоящее с позиций участника).

А теперь о нас даже в День Победы не вспомнят, как будто по щучьему велению все делалось. ...Нас осталось мало. О нас практически забыли (А. Яновская)²².

Всё забыто и все забыты (А.С. Бабинцева)²³.

В архиве сохранились воспоминания ветеранов боевых действий, работников эвакуированных предприятий, учителей, школьников и студентов, врачей и комиссара госпиталя, колхозниц и рабочих. Особую группу составили воспоминания детей.

²¹ Там же. Д. 45. Л. 18.

²² Там же. Д. 53. Л. 29.

²³ Там же. Д. 24. Л. 7.

Особенности воспоминаний, собранных в 1990-е гг., сформулировал в дневниках В.В. Цаплин – директор ЦГАНХ:

Пишутся они <воспоминания> тяжело, т. к. многое давно исчезло из памяти. Хорошо, что осталась записная книжка, которая является стержнем моего мемуарного творчества (запись от 18 августа 1985 г.)²⁴.

Сложность актуализации событий отдаленного прошлого побуждает авторов искать опору в других источниках информации – дневниковых записях, научных трудах, кинообразах, опубликованных воспоминаниях. В результате наблюдается эффект замещения собственных воспоминаний фактами и образами из медиапространства. Отложенные воспоминания приобретают конструируемый характер. Изучение комплекса воспоминаний, имеющих сходную структуру, позволяет выявить повторяющиеся образы и факты, а главное – эмоцию. И если факты могут быть присвоенными, то эмоция остается реальной и подлинной. В воспоминаниях правдивы, прежде всего, чувства, но они также способны исказить факты. Так, например, погода в Свердловске 9 мая 1945 г. по-разному представлена в воспоминаниях:

Сообщение об окончании войны мы услышали по радио в общежитии. Все дружно закричали «Ура!» и помчались на завод. ...Все обнимались, плакали, целовались ...Потом нам объявили, что этот день выходной. *Погода была плохая, шел мокрый снег*, но мы все пошли в город, на площадь 1905 года (А. Лебедева)²⁵.

Объявляют, что сегодня (9 мая) нерабочий день, можно идти отдыхать. А мы не уходим из цеха, не верится, что сегодня не работаем. И вот мы, девчата и ребята, на берегу Исети. Светит яркое солнце. Мы поем, дурачимся до вечера, как малые дети, хотя нам уже по 18–20 лет (Н. Прямикова)²⁶.

Радость от известия о Победе преобразует в памяти окружающий мир и ненастный день Н. Прямикова вспоминает как солнечный.

Другой специфической чертой воспоминаний, отмеченной В.В. Цаплиным, является восприятие героического как коллективной нормы:

²⁴ Цит. по: Хорхордина Т.И. Архивы личного происхождения в России. М.: Весь мир, 2024. С. 476.

²⁵ Мы приближали победу... С. 399.

²⁶ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 45. Л. 18.

Мы воевали не за ордена, а за Победу... Я делал то, что делали тысячи других. Это были наши армейские будни (запись от 30 марта 1980 г.)²⁷.

Аналогичные оценки характерны и для тыловых воспоминаний.

Можно выделить гендерные особенности текстов: женские воспоминания более эмоциональны, наполнены бытовыми сюжетами и деталями. Женская память окрашена в зимние цвета – вспоминаются морозы, холод, постоянное недосыпание и усталость. Тепло, солнце и веселье остались в прошлом. Так, повествование Е.Ф. Шабалиной о днях накануне войны (22 июня 1941 г.) наполнено «солнечным» ощущением счастья мирного дня:

20 июня мы, второкурсники, сдали экзамен по физике и 21-го всей группой пошли в лес. Играли в волейбол, пели. Было очень весело. Вернулись с букетами купавок. *Солнечный букет желтых купавок для меня – символ предвоенной безоблачной жизни*²⁸.

Женское восприятие прошлого, сконцентрированное на внутренних переживаниях, отличается от мужского более рационального взгляда. Для сравнения приведем описание первого дня войны, составленное Г. Пушкаревым:

Запомнился первый день войны. ...*Помню спящих встревоженных жителей – с бидонами, ведрами и другой разнокалиберной тарой: разбирали керосин. Тащили, сколько было мочи, соль, раскупали спички.* Народ был опытный – пережили не одну войну, еще были живы участники Первой мировой войны²⁹.

Более сложная эмоция сопровождает воспоминания о дне Победы (9 мая 1945 г.) – всеобщее ликование, горечь от необратимых потерь и неожиданная радость от провозглашенного выходного дня.

В этот день был объявлен выходной, первый выходной за все 1418 дней войны. Потом снова была работа... (В. Плешаков)³⁰.

²⁷ Цит. по: Хорхордина Т.И. Архивы личного происхождения в России. С. 476.

²⁸ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп.1. Д. 52. Л. 8.

²⁹ Там же. Д. 39. Л. 19.

³⁰ Мы приближали победу... С. 70. В воспоминаниях имеются как косвенные, так и прямые указания на предоставление работникам выходных дней: Мы приближали победу... С. 419 (И. Мирошникова); ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 44. Л. 35 (В. Дербукова). С конца 1943 г. по свидетельству

Воспоминания о тыловой повседневности (в отличие от фронтовой) характеризуются также особым восприятием времени:

И вдруг *время остановилось*, – пишет Н. Толмачева, – ...солнце спряталось за тяжелую тучу. А из черной тарелки динамика, прикрепленного на столбе у крыльца, раздалось: «Сегодня Германия без объявления войны, вероломно...». Потом радио замолкло³¹.

Война – это безвременье, наполненное ожиданием, потерями, невзгодами, тяжелым трудом, голодом и усталостью, а еще любовью, надеждой, терпением.

*«Студенческая юность –
пусть и голодная, и военная – все равно юность!»*

Мое внимание привлекли воспоминания нескольких авторов (женщин) о студенческой жизни в условиях войны – это развернутые неформализованные сообщения, в которых содержится рассказ о праздниках и буднях, учебе и работе, способах выживания и условиях жизни студентов Уральского индустриального института и Свердловского государственного университета.

Первое, на что обращаешь внимание – это свидетельства о гендерном составе студентов: даже на «мужских» факультетах учились преимущественно девушки. И только к 1943 г. происходит нормализация ситуации³². Учеба показана через преодоление трудностей – необустроенность учебных помещений, холод, теснота в общежитиях, так как большинство помещений были заняты эвакуированными. В. Полякова отмечает:

Учиться на первом курсе было нелегко – ведь война продолжалась. Университет не имел своего помещения, занятия проходили в разных местах: в зданиях горного и педагогического институтов, в школе № 119 и других. Было холодно, сидели в пальто, в валенках, варежках. В чернильницах замерзали чернила. Не хватало столов, умещались по двое на табуретках, сидели на подоконниках³³.

Н. Кочевой был введен один выходной в неделю (Мы приближали победу... С. 138).

³¹ Мы приближали победу... С. 364.

³² ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 31. Л. 2; Мы приближали победу... С. 290.

³³ Мы приближали победу... С. 150.

Бывшие студенты вспоминают о трудовом дне, включенном в учебное расписание. Один день в неделю студенты бесплатно (за тарелку супа) трудились на производстве, в госпиталях – там, где требовались рабочие руки. Студенты помогали ухаживать за ранеными, особенно запомнились ситуации, связанные с разгрузкой эшелонов с ранеными. Для молодых девчонок это была не только проверка на выносливость, но и на взаимную поддержку и дружбу.

Часто, почему-то именно ночью, поднимали студенток на выгрузку раненых из санитарных вагонов. Это было очень тяжело. Однажды одна довольно хрупкая девочка не выдержала и поставила носилки на землю. Это естественно причинило боль раненому. Солдат выругался, а девочка стоит и плачет. Ей жалко и солдата, и себя, что нет сил поднять эти тяжелые носилки. Выручили подружки (Т. Городецкая-Троицкая)³⁴.

Характерной чертой студенческой повседневности были проблемы с питанием: память о голоде проходит через все тыловые воспоминания, часто включая сведения о кулинарных рецептах.

Самое большое лакомство в осеннее время – это «завариха». Нужно заварить муку кипятком и чуть-чуть вскипятить – дело не сложное. Вкуснятина-то какая! А зима – время трудное, все идет в ход: замерзшие овощи и турнепс, если достанешь его. Все очень любят оладьи из картофельной кожуры (И. Гордеева)³⁵.

И если в воспоминаниях рабочих ощущение постоянного голода и усталости дополняется фактами голодной смерти или несчастных случаев на производстве³⁶, подчеркивая масштаб проблемы, то в воспоминаниях студентов чувство голода – это привычное состояние, но не фатальное. Может быть потому, что у студенческой молодежи было больше возможностей для решения этой проблемы. Среди практик выживания студентов упоминается дополнительная работа, «вылазки» в деревню для обмена вещей на продукты. Для работников предприятий такие варианты были малодоступны, поскольку они находились на военном положении, и нарушение трудовой дисциплины (опоздания или прогулы) каралось трибуналом³⁷. Распространенным способом получения

³⁴ Там же. С. 290.

³⁵ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.

³⁶ Там же. Д. 42. Л. 1: Воспоминание Л.А. Мельниковой.

³⁷ Там же. Д. 48. Л. 3: Воспоминание Е.П. Сотниковой.

дополнительного питания для студентов была сдача крови. Из дневника И. Гордеевой:

Мы, студенты, стали донорами. У меня группа крови 1 А – наиболее ходовая. Сдавать кровь будем через месяц. ...После сдачи крови нам выдают надбавку к хлебной карточке в течение месяца по 100 граммов на день. Такое богатство! Три килограмма! Конечно, весь мой хлеб мы выкупали сразу же и для полного счастья шли в кино³⁸.

Традиционным сюжетом воспоминаний студентов были сельскохозяйственные работы. Запомнился тяжелый труд на колхозных полях, «экзотические» условия жизни и ...возможность «подкормиться»:

Институт направил нас на работу в Туринский район, в колхоз. ...проработали мы более четырех месяцев: ухаживали за овощами, убирали их, помогали в уборке хлеба, копали картошку... На ногах вся обувь изорвалась, и мы привязывали подошву веревочками, поясами. Давали нам по 400 граммов черного хлеба, чекушку молока, картошку ели сами прямо на поле (Е.Тиминой)³⁹.

Несмотря на непривычный тяжелый труд, студенты не унывали – шутили, пели песни, помогали друг другу. Наверное, эти полярные образы – война, голод, тяжелый физический труд, с одной стороны, и студенческая юность, устремленная в будущее, вера в победу и дружба – с другой, создавали тот особый эмоциональный фон, который ощущается в воспоминаниях спустя полвека.

Почти каждое воскресенье мы бегали на танцы в военное училище рядом с институтом. В актовом зале танцевали под духовой оркестр и напрочь забывали о своих голодных желудках (А. Замыслова)⁴⁰.

Заключение

Народная память хранит особый образ войны, для которого характерны героическое преодоление нарастающих проблем повседневности и обыденность подвига, т.е. превращение его в коллективную норму. Н.Ф. Стародубова в воспоминаниях так объясняет данный феномен:

³⁸ Там же. Л. 4–6.

³⁹ Там же. Д. 50. Л. 2.

⁴⁰ Мы приближали победу... С. 286–287.

Работали мы, молодые, по 12 часов на морозе, испытыв и холод, и голод, и болезни. Но сильная любовь к Родине, страшная ненависть к лютому врагу, порушившему все наши планы и мечты и наладившуюся для большинства уже вполне сносную жизнь, придавали нам силы и энергию. Мы не должны были уступать, отступать, поддаваться, нам надо было выстоять, выдюжить и вновь вернуться к довоенному времени⁴¹.

Поздние (отложенные) воспоминания ветеранов войны и труженников тыла, написанные в 1990-е гг. – ценный, но непростой для анализа источник. Он содержит *эмоционально правдивый образ* военной повседневности, включает как реальные факты, так конструируемые медиасредой образы.

Литература

- Алёшина, и др. 2021 – Алёшина Е.Ю., Блох М.Я., Разуваева Т.А., Вагнер Х., Комплеев А.В. Глобальный конфликт прошлого в современном медиапространстве: историческая память в дискурсивном ракурсе // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. Т. 3. № 4. С. 17–50.
- Аникин 2017 – Аникин Д.А., Головашина О.В. Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 4. С. 78–84.
- Головашина 2018 – Головашина О.В. Как боль становится общей? Культурная травма как процесс // *Studia Humanitatis*. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-bol-stanovitsya-obshchey-kulturnaya-travma-kak-protsess> (дата обращения: 17.10.2025).
- Горшкова 2023 – Горшкова Н.В. Мемуары о Великой Отечественной войне (библиографический ракурс) // *Библиография и книговедение*. 2023. № 6. С. 55–60. <https://doi.org/10.25281/2411-2305-2023-6-55-60>
- Колосова, Цаплин 1965 – Колосова Э.В., Цаплин В.В. Государственные архивы и документальные фонды личного происхождения // *Вопросы архивоведения*. 1965. № 4. С. 14–23.
- Николаи 2019 – Николаи Ф. [Рец.:] Мнемозина и Марс: «новые войны» и старые рамки памяти // *Новое литературное обозрение*. 2019. № 5 (159). С. 353–364.
- Тартаковский 1999 – Тартаковский А.Г. Мемуаристика как феномен культуры // *Вопросы литературы*. 1999. № 1. С. 35–55.
- Уральский филиал 2024 – Уральский филиал Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР: архивный фонд, деятельность, документы / науч. ред. А.С. Мохов, А.В. Шаманаев. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2024. 292 с.

⁴¹ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 69. Л. 7.

- Хорхордина 2024 – Хорхордина Т.И. Архивы личного происхождения в России. М.: Весь мир, 2024. 808 с.
- Шнирельман 2021 – Шнирельман В.А. Травматическое прошлое: память и нарратив // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 6–29.
- Sommer 2018 – Sommer V. Mediatisierte Erinnerungen. Medienwissenschaftliche Perspektiven für eine Theoretisierung digitaler Erinnerungsprozesse // (Digitale) Medien und soziale Gedächtnisse, Erinnern und Vergessen – Memory Studies / Hrsg. von G. Sebald, M.-K. Döbler (Eds.). Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2018. S. 53–79. DOI: 10.1007/978-3-658-19513-7_3.

References

- Aleshina, E.Yu., Blokh, M.Ya., Razuvaeva, T.A., Wagner, H. and Kompleev, A.V. (2021), “Global conflict of the past in contemporary media space: historical memory in a discursive perspective”, *Galactica Media: Journal of Media Studies*, vol. 3, no. 4, pp. 17–50.
- Anikin, D.A. and Golovashina, O.V (2017), “Trauma to cultural memory: conceptual analysis and methodological bases of research”, *Tomsk State University Journal*, no. 4, pp. 102–123.
- Golovashina, O.V. (2018), “How does pain become common? Cultural trauma as a process”, *Studia Humanitatis*, no. 4, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-bol-stanovitsya-obschey-kulturnaya-travma-kak-protsess> (Accessed 17 Oct. 2025).
- Gorshkova, N.V. (2023), “Memoirs about the Great Patriotic War (bibliographic perspective)”, *Bibliografiya i knigovedenie*, no. 6, pp. 55–60.
- Khorkhordina, T.I. (2024), *Arkhivy lichnogo proiskhozhdeniya v Rossii* [Personal origin archives in Russia], Ves' mir, Moscow, Russia.
- Kolosova, E.V. and Tsaplin, V.V. (1965), “State archives and documentary funds of personal origin”, *Voprosy arkhivovedeniya*, no. 4, pp. 14–23.
- Mokhov, A.S. and Shamanaev, A.V., eds. (2024), *Ural'skii filial Komissii po istorii Velikoi Otechestvennoi voiny Akademii nauk SSSR: arkhivnyi fond, deyatel'nost', dokumenty* [The Ural branch of the Commission on the history of the Great Patriotic War of the USSR Academy of Sciences: archival fund, activities, documents], Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Ekaterinburg, Russia.
- Nikolai, F. (2019), “[Review of:] Mnemosyne and Mars: ‘new wars’ and old memory frameworks”, *Novoe literaturnoe obozrenie*, vol. 159, no. 5, pp. 353–364.
- Shnirel'man, V.A. (2021), “Traumatic past: memory and narrative”, *Siberian Historical Research*, no. 2, pp. 6–29.
- Sommer, V. (2018), “Mediatisierte Erinnerungen. Medien wissenschaftliche Perspektiven für eine Theoretisierung digitaler Erinnerungsprozesse”, in Sebald, G. and Döbler, M.-K., Hrsg., (Digitale) Medien und soziale Gedächtnisse. Soziales Gedächtnis, Erinnern und Vergessen – Memory Studies, Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, Wiesbaden, Germany, pp. 53–79.
- Tartakovskii, A.G. (1999), “Memoir writing as a cultural phenomenon”, *Voprosy literatury*, no. 1, pp. 35–55.

Информация об авторе

Людмила Н. Мазур, доктор исторических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия: 620000, Россия, Екатеринбург, пр-кт Ленина, д. 51; Lmaz@mail.ru

ORCID ID:0000-0003-0407-3816

Information about the author

Ludmila N. Mazur, Dr. of Sci. (History), Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia; 51, Lenin Av., Ekaterinburg, Russia, 620000; Lmaz@mail.ru

ORCIDID: 0000-0003-0407-3816